

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
Зональная научная библиотека имени В. А. Артисевич

представляют
виртуальную выставку
одной книги

Пушкин
в рисунках
В. Е. Маковского

к Пушкинскому дню России

Саратов

2016

*Пушкин в рисунках
В. Е. Маковского. Ленинград ; Москва :
Искусство, 1937. 109, [3] с. : рис.*

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Живописец-реалист, мастер сатирического жанра, В. Е. Маковский (1846 - 1921) приобрёл широкую популярность, главным образом, изображением бытовых сцен из жизни мелкого чиновничества, купечества и мещанства. Но, наряду со станковой живописью, он занимался и графикой – офортным гравированием и книжной иллюстрацией. Особый интерес представляют для нас рисунки Маковского к произведениям Пушкина. Эта пушкинская сюита Маковского была исполнена в начале 1880-х годов. Как бы ни расценивать с формально-художественной стороны рисунки Маковского, они прежде всего содержательны в сюжетном отношении как прямые интерпретации пушкинского текста. Когда вся страна чествует память величайшего национального русского поэта, отмечая столетнюю годовщину со дня его трагической гибели, представляется особенно интересным и целесообразным издание рисунков В. Е. Маковского к пушкинским произведениям.

197987

ПРОВЕРено

ПУШКИН

В РИСУНКАХ

В. Е. МАКОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
ЛЕНИНГРАД-МОСКВА
1937

Рисунки Маковского (предоставленные для настоящего издания заслуженным деятелем искусств И. И. Бродским) иллюстрируют самые разнообразные литературные жанры пушкинской поэзии и прозы. Но далеко не все жанры в одинаковой степени привлекли художника. Наиболее обстоятельно показаны поэмы: художник воспроизвёл образы «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника», «Братьев-разбойников», «Цыган», «Полтавы» и «Медного всадника». Менее полно представлена в рисунках Маковского проза Пушкина: здесь нет ни «Повестей Белкина», ни «Пиковой дамы». Рисунки к сказкам, «Онегину» и драмам дают представление о главных героях этих произведений, но не касаются ряда существенно важных эпизодов. Ещё более случайный характер носят рисунки к стихотворениям: из семи, выбранных Маковским, нет ни одного, которое можно было бы отнести к важнейшим, самым характерным лирическим произведениям Пушкина.

Всё это несколько не умаляет художественного интереса публикуемых иллюстраций. Выбор объектов графической интерпретации характеризует самого иллюстратора.

«Птичка»

... На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Изданные отдельно, рисунки Маковского имеют значение «иллюстративного документа», во многом типичного для значительной части русских художников конца прошлого столетия.

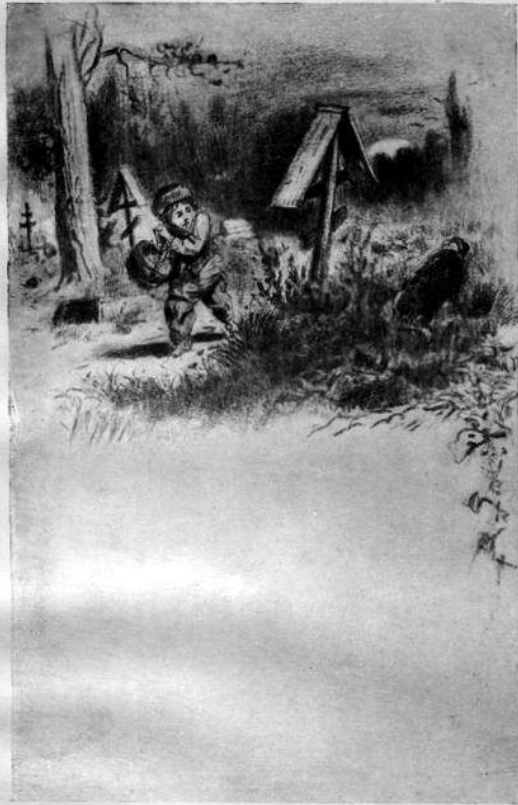
Внимание художника привлекли далеко не самые характерные для Пушкина лирические стихотворения. Это – «Птичка», «Зимний вечер», «Вурдалак» и др.; наиболее крупное и значительное произведение в этом маленьком цикле избранных Маковским стихотворений – «19 октября 1836 г.». Все темы, взятые художником, носят бытовой характер, а одна из них – «историко-бытовой» («Пир Петра I»). Этот выбор, конечно, не случаен.

Аллегорический фронтиспис к «Лирике» Пушкина удался Маковскому гораздо меньше, чем бытовые сценки, иллюстрирующие «Птичку», «Утопленника» или «Вурдалака».

Фронтиспис к стихотворениям
А. С. ПУШКИНА

„Вурдалак“

... Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит,—
Кто-то кость, ворча, грызет.

Художнику знаком крестьянский быт, он с любовью воспроизводит детей; в рисунке к «Вурдалаку» просвечивает и присущий художнику юмор: в роли «Вурдалака» изображена сугубо «нестрашная» дворняжка, мирно грызущая кость, а «трусоватый Ваня» скорее умилителен, чем жалок.

«Зимний вечер»

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Рисунок, изображающий Пушкина и няню, относится, несомненно к «Зимнему вечеру», а не к стихотворению «Подруга дней моих суровых»: он отражает не воспоминания поэта (вообще, передача «воспоминаний» не в духе Маковского), а конкретную беседу Пушкина с Ариной Родионовной, вернее – монолог поэта, переданный лёгким, весёлым хореем. Спицы в «наморщенных руках» няни вызывают в памяти стихи «Подруга дней моих суровых», но такая подробность (может быть, даже излишняя в своей добросовестности), как кружка на столе, убеждает в том, что рисунок иллюстрирует именно «Зимний вечер». Здесь художнику удался и образ Пушкина: лицо поэта нарисовано уверенно и отчётливо, с полным портретным сходством, чего нельзя сказать ни о «проблематическом» бюсте на фронтиспise, ни о чрезвычайно «приблизительном» образе Пушкина в сцене, изображающей беседу 19 октября 1836 г.

В рисунке к «Пиру Петра Первого» сказалась неизменная тяга Маковского к психологизму: перед нами не просто изображение пира, устроенного Петром, но именно тот момент, когда хозяин пира

... с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится...
И прощенье торжествует
Как победу над врагом.

Об этом говорит и настороженное внимание окружающих (особенно характерны фигуры, стоящие справа от Петра, и явно «виноватый») вид того, кому отпускается вина .

„Пир Петра первого“
... В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна...

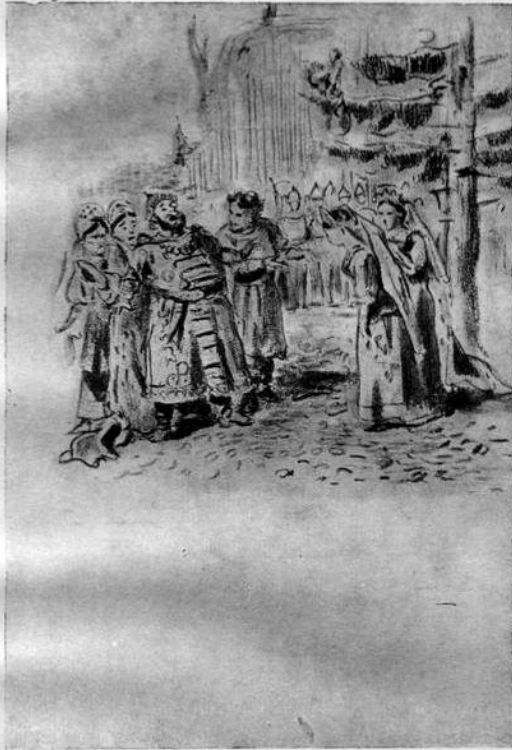

„Сказка о царе Салтане“...

... Бьется лебедь средь выбей,
Коршун носится над ней
... Но как раз стрела зашела,
В шею коршуна задела...

Из шести сказок Пушкина Маковский выбрал три, причём обильнее других иллюстрировал «Сказку о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди». В трактовке этого произведения художник остался верен себе. Подобно тому как в лирике Пушкина он не остановился на таких вещах, как «Пророк», трижды иллюстрированный Врубелем (1898, 1899 и 1905), так и в «Сказке о царе Салтане» его привлекла не столько Царевна-Лебедь, образ которой с таким изумительным искусством создал тот же Врубель, сколько бытовые сцены.

«Сказка о царе Салтане»...

*... Выступает, будто павя,
И свекровь свою ведёт.
Царь глядит — и узнает...*

Его царевич и царица – это те же крестьянские типы, его Салтан – потешный мужичок, разинувший от удивления рот перед царицей и молодой:

«Что я вижу? что такое?
Как!» и дух в нём занялся...

Сказочный образ царевны дан в упрощённой трактовке – фантастика сказки как бы снижена до «древне-русского анекдота».

В «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях» опять-таки бытовые элементы сильнее сказочных: показаны жанровые сцены, а не сказочные образы.

„Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях“

Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее*.

„Сказка о рыбаке и рыбке“

Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» эта особенность трактовки оказывается более уместной: здесь чрезвычайно выразительна сцена появления старика перед крыльцом, на котором восседает гневная «барыня-сударыня-дворянка». Маковский не преминул использовать и такую подробность, как свирепое обращение старухи со слугами, - «она бьёт их, за чупрун таскает...». Не менее красноречива и заключительная сцена сказки: на лице старика написано горестное изумление при виде всё той же сварливой старухи, сидящей в позе крайнего уныния у разбитого корыта. В этом рисунке художник позволил себе маленькую вольность, отступив от прямого указания на землянку: он изобразил обычную бревенчатую избу с соломенной крышей.

„Руслан и Людмила“

Наш витязь старцу пал к ногам,
И в радости лобзает руку.

Светлеет мир его очам,
И сердце позабыло муку.

(Песнь первая)

Из двенадцати поэм Пушкина Маковский иллюстрировал семь; особенно подробно разработан им сюжет «Руслана и Людмилы», которому уделены четыре рисунка.

„Руслан и Людмила“

... Наш витязь падает к ногам
Подруги верной, забывшейной.

... Зовет ее — но дева дремлет,
Сомкнуты очи и уста...

(Песнь пятая)

Иллюстрации к «Руслану» живописнее других рисунков Маковского, в них можно подозревать эскизы к задуманным, может быть, но неосуществлённым живописным иллюстрациям.

„Кавказский пленник“

Очнулся русский: перед ним,
С приветом нежным и немым,
Стоит черкешенка молодая.

Для «Кавказского пленника» взята довольно трафаретная ситуация, многократно использованная другими художниками (и в иллюстрациях, и в лубочных картинках).

Рисунок к «Братьям-разбойникам» значительно живее: здесь каждая фигура имеет свою индивидуальность. Зритель может с первого взгляда догадаться о составе «шайки», живущей «без власти, без закона». Тут и «беглец с берегов таинственного Дона», и «в чёрных локонах еврей», и «дикие сыны степей», и «рыжий финн», и «с ленью праздной в степи кочующий цыган».

„Братья разбойники“

... За Волгой, ночью, вокруг огня
Удалых шайка собиралась.

... Умолкли все — их занимает
Пришельца нового рассказ...

Легко , с большим графическим изяществом сделан рисунок к «Цыганам».

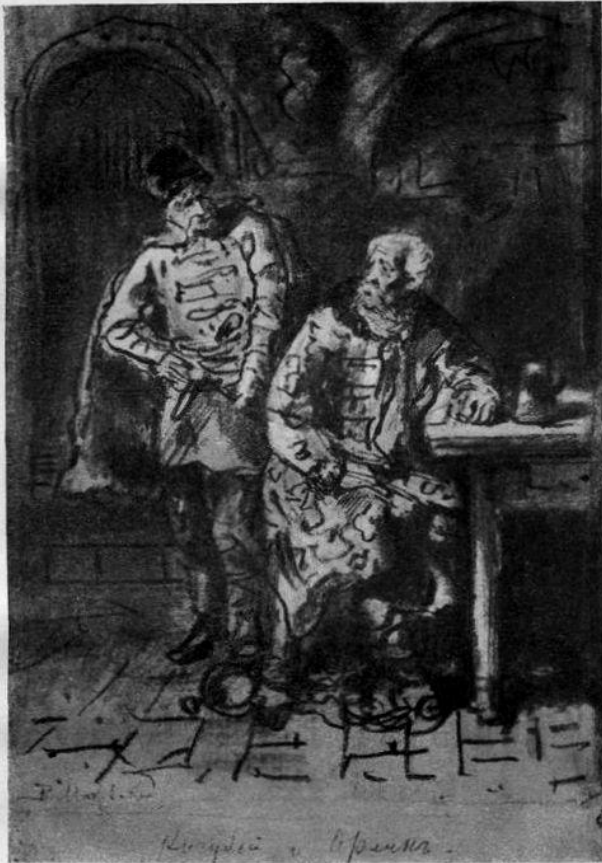

„Цыганы“

Между колесами телег,
Полу-завешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом

Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.

Из трёх рисунков к «Полтаве» два родственны по своей живописности манере иллюстраций к «Руслану», - наиболее удачны фигуры Орлика и Кочубея.

„Полтава“

Орлик: Допрос не кончен; отвечай.
Кочубей: Я отвечал уже: ступай,
Оставь меня.

Единственная иллюстрация к «Медному всаднику», вероятно, не исчерпывает творческих замыслов художника: трудно предположить, чтобы Маковский ограничился изображением одного Петра «на берегу пустынных волн», не использовав благодарного бытового материала «Медного всадника». Нужно полагать, что либо остальные рисунки к этой поэме не дошли до нас, либо художник прервал начатую работу по случайным причинам.

„Медный всадник“

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел.

(Вступление)

Редко иллюстрируемая поэма о Тазите (в прежнем наименовании – «Галуб») представлена в иллюстративной сюите Маковского беглым, но мастерским рисунком, изображающим последний разговор отца с сыном.

„Тазит“

Где ж голова?.. подай... нет сил...
Но сын молчит, потупя очи.

В рисунках к «Евгению Онегину» есть несколько бесспорных удач – например, сцена приезда Онегина в деревню, где «нашёл он полон двор услуги», изображение дворового мальчишка с Жучкой, финал дуэли.

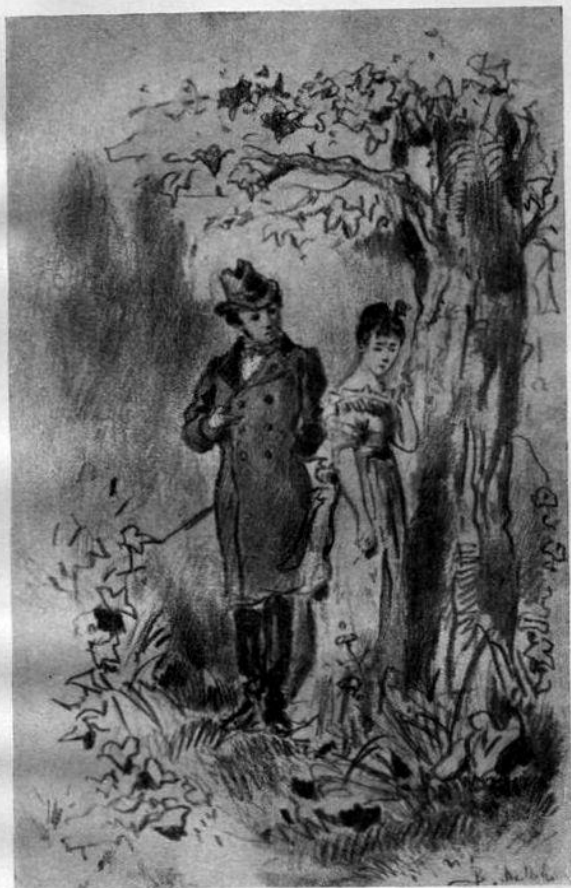
Первый из этих рисунков можно назвать блестящим – он мог бы соперничать с рисунками наших лучших иллюстраторов и, вместе с тем, он вполне в духе Маковского: сама усадьба (если это не флигель), может быть, слишком скромна, но как правдоподобны зато типы челяди! Несомненно, что лысый мужичок с шапкой в руках – плутоват и «себе на уме», а повар – непочтительный «вольнодумец» и скептик! Как свободно и непринужденно очерчены смелым штрихом карандаша коляска, колодец, фигуры ребят, коза и прочие подробности!

„Евгений Онегин“

Нашел он полон двор услуги...

(Глава II, строфа LIII)

„Евгений Онегин“

Минуты две они молчали,
Но к ней Онегин подошел

И молвил: „вы ко мне писали,
Не отпирайтесь...“

(Глава IV, строфа XII)

«Романтика» не всегда по плечу Маковскому: сцена первого объяснения Онегина с Татьяной очень трафаретна, немногим лучше и сцена последнего свидания. Образ Татьяны в рисунке к третьей главе безличен и так же мало говорит о любимой героине Пушкина, как и известные иллюстрации Нотбека (1829 г.), или однообразные, вялые рисунки журнальных иллюстраторов 70-х – 80-х годов.

„Евгений Онегин“

Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив...

(Глава V, строфа II).

Пейзажные виньетки (в главе четвертой и главе седьмой) слишком отвлечённые и далеки от сюжета «Онегина», чтобы напоминать о содержании романа.

Финальный момент дуэли Онегина с Ленским, хотя и не даёт чего-либо нового и своеобразного в сравнении с другими (обычно почти тождественными интерпретациями этой сцены), подкупает всё же чисто графической прелестью: в этом случае карандаш Маковского не вдаётся в подробности и непритязательно, но очень живо передаёт печальный эпизод.

„Евгений Онегин“

В тоске сердечных угрызений,
Рукою стиснув пистолет,

Глядит на Ленского Евгений,
„Ну, что-ж? убит“, решил сосед.

(Глава VI, строфа XXXV).

Первый рисунок к «Годунову» по своей манере напоминает рисунки к «Руслану», второй – похож на иллюстрации к «Сказкам», - образа Бориса он, к сожалению, не даёт.

„Борис Годунов“

Царь: А ты, мой сын, чем занят? Это что?
Федор Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край.

Более психологичен и технически более силён рисунок к «Моцарту и Сальери».

„Моцарт и Сальери“

Сальери: Друг Моцарт, эти слезы...
Не замечай их. Продолжай, спешу
Еще наполнить звуками мне душу...

„Каменный гость“

Дон Гуан (статуе):

Я, командор, прошу тебя прийти
К твоей вдове, где завтра буду я...

Сцена III)

Иллюстрация к «Каменному гостю» очень эскизна, но не лишена динамической экспрессии. Конечно, заслуживали бы внимания иллюстратора и «Скупой рыцарь», и «Пир во время чумы», и «Русалка»...

„Капитанская дочка“

С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком.

(Глава VIII)

Несмотря на то, что интерес художника привлекают произведения «бытового» или «жанрового» характера, в иллюстрациях к произведениям Пушкина отсутствуют рисунки к таким «насквозь» бытовым произведениям, как «Повести Белкина», или к такому важному и драгоценному образцу прозы, как «Пиковая дама». Художник выбрал малопопулярный у иллюстраторов «отрывок из неизданных записок дамы – «Рославлев», отозвался одним рисунком на «Арапа Петра Великого», двумя – на «Дубровского», и только «Капитанская дочка» вдохновила его на обстоятельный (семь рисунков) графический пересказ. Из этих рисунков наиболее удачны – изображение разговора Троекурова с садовником, поймавшим мальчика, и беглый набросок, показывающий расправу Пугачёва.

Вся сюита иллюстраций Маковского весьма показательна. Она наглядно обнаруживает и сильные, и слабые стороны творчества художника. Она лишний раз уясняет, какие графические приёмы «передвижников» созвучны пушкинским мотивам и какие с ними дисгармонируют.

„19 октября 1836 г.“

... Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем Лицея день заветный

Прошли года чредою незаметной,
И как они переменяли нас!

„Капитанская дочка“

„Позвольте спросить, кто вы таковы?“

— Я дочь капитана Миронова.

(Глава XIV)

Бытовой характер иллюстраций Маковского в значительной степени типичен для иллюстраторов конца прошлого века – художников передвижнического направления. Обычно к иллюстрации они подходили точно так же, как и к произведению живописному, не учитывая специфики иллюстрируемого литературного материала. Маковский свои навыки бытописателя перенёс и в работу над иллюстрацией.

Вот почему пушкинская сюита Маковского, представляя монографический интерес, чрезвычайно интересна и для выяснения путей развития русской иллюстрации.

„Евгений Онегин“

Улыбкой ласною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синие блещут небеса.

Еще прозрачные, леса
Как будто духом зеленеют.

(Глава VII, строфа I)

В. Е. Маковский, подобно всем остальным художникам дореволюционной России, находился в тисках того цензурного гнёта, от которого страдали в своё время лучшие передовые представители искусства и литературы. По складу своего дарования он мог бы ярко выразить те мотивы поэзии Пушкина, в которых сказались революционные настроения великого поэта, однако это было невозможно по условиям времени. Недоступное для художников минувшей эпохи сделалось достижимым в наше время, в годы появления и развития искусства социалистического бесклассового общества. Советские художники могут и должны сделать то, что было недостижимо для их предшественников: воссоздать средствами изобразительного искусства всё великолепие и многообразие творчества Пушкина.